

Михаил Быков

НА МОЛИТВУ, ШАПКИ ДОЛОЙ!

Духовенство в русской армии

В конце ноября 2013 года Высший церковный совет Русской православной церкви утвердил регламент работы священников в Российских вооружённых силах.

Лет десять прошло с того дня, когда появился у меня новый знакомец. Отец Вячеслав. Станный, надо признать, был батюшка. Неприкаянный какой-то. Потому, видеть, и — «был». Со временем его расстригли, и где он сейчас — одному Богу ведомо. А тогда, в начале 2000-х, он подвизался помощником настоятеля в скромной церковке с престолом святого Александра Невского, ещё в 1996 году построенной на территории одной воинской части в столичном районе Куркине.

Сейчас храмы, часовни и молельные комнаты в военных городках — не в диковинку. Их уже более 200. А тогда, оказавшись в гостях у отца Вячеслава, диву давался. Как командиру удалось получить разрешение на строительство «духовного» объекта на территории части, проведение регулярных еже-

дневных служб, создание скромного хора из числа солдат-срочников? Рядом с дверьми в церковь в побитой временем деревянной рамке висел лист бумаги с расписанием: службы утренние, вечерние, субботняя исповедь, воскресный молебен с акафистом. Внизу — подпись настоятеля храма. Вверху — «Утверждаю. Подполковник такой-то...». О возрождении института военных священников в Российской армии тогда только-только начали говорить в высших сферах...

По месту жительства

До царя-реформатора Петра военных священников на Руси, строго говоря, не было. Потому как не было и армии в современном смысле слова. В то же время неверно думать, будто регулярная армия появилась у нас при Петре в одночасье. Захотел царь, махнул Меншикову треуголкой — и нате! Пётр Алексеевич энергично довёл до конца то, что планировал ещё его отец — царь Алексей Михайлович.

При Тишайшем регулярной армии и правда ещё не было. Но регулярные части уже имелись. И вполне себе приличной численности. По-

явились такие понятия, как штаб, офицер, чины. В уставе «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» от 1647 года появилось и понятие «полковой поп». Там же — о жалованье священника. 30 флоринов в год. Какой именно флорин подразумевался, сказать затрудняюсь, но, например, флорентийский флорин XVI века — это 3,5 грамма золота.

А вот появились ли эти самые полковые попы в конкретных частях, история умалчивает. Известно лишь, что командироваться на место службы батюшки должны были распоряжением патриарха или приказом государя. Но не исключено, что по каким-то причинам всё оставалось так, как при великих князьях, когда дружинники окормлялись в мирских храмах. А собираемые на войну ополченческие рати в мирное время посещали сельские и посадские приходы. Позже, когда основу войска составили стрельцы, всё оставалось примерно так же. Ведь стрельцы, когда не воевали, жили в слободах с семьями и вели хозяйство. Там, в слободах, и строили церкви, куда патриарх отправлял на служение клириков. Вне столицы — в малых городах и весях — ратные люди использовали местные храмы.

В сложных случаях, понятное дело, церковные службы приобретали иной масштаб, а пастыри — особый авторитет. Достаточно двух

примеров. В августе 1380 года митрополит Коломенский Герасим благословил великого князя Московского Дмитрия Ивановича и всю его немалую рать на битву с ордынцами, получившую впоследствии название Куликовской. Трудно представить себе этот молебен в средневековой деревянной Коломне у стен Успенского собора, объединивший десятки тысяч человек!

В Смуту патриотическому подъёму русского народа во многом послужили послания патриарха Гермогена. И первые, составленные на свободе, которые поспособствовали московскому восстанию, в результате чего поляки вынуждены были забаррикадироваться в Кремле. И последние, писанные уже из заключения в кремлевском Чудовом монастыре и подвигнувшие новгородцев на организацию народного ополчения.

Знаменитый девиз Русской армии «За Веру, Царя и Отечество!» окончательно сформулирован в XIX веке. Но это не плод чьей-то креативной фантазии. Это сумма традиционных для русского сознания представлений о том, что есть война. Вспомним «Задонщину» — «за землю русскую, за веру христианскую» шли на бой русские воины. А ведь писано в XV веке!

Итак, войско приходило в церковь молиться, как положено. Церковь взывала к войску в дни большой опасности для Руси. Но оконча-

тельное решение о том, что два этих важнейших института должны существовать вместе повседневно, пришло только в начале XVIII века. И пришло оно к Петру I, чей задравный тост звучал так: «Здравствуй тот, кто любит Бога, меня и Отечество!».

Отцы полка

К воинским уставам царь Пётр относился с пристальным вниманием и нередко их усовершенствовал. Так, в 1716 году именно в уставном порядке он ввёл в сухопутной армии должность полкового священника. На сей раз военнодуховному делу посвящена целая глава — «О священнослужителях», в которой обстоятельно говорилось о правах и обязанностях батюшек в полках. Спустя год царь подписал указ, согласно которому на кораблях флота повелевал иметь по одному иеромонаху. Итого — 39 человек. Но вот что интересно: ещё в 1704 году адмирал Крюйс жаловался на недокомплект священников на кораблях Балтийского флота. Вместо положенных 10 человек в наличии имелось только... двое. Значит, что-то происходило по этой части между 1647 и 1716 годами!

Сказать, что корпус военных священников окончательно сформировался при Петре, никак нельзя. В некую самостоятельно существующую корпорацию армейские

и флотские батюшки превращались только во время войны, когда ими руководил специально назначенный полевой обер-священник — в армии, обер-иеромонах — во флоте. В мирные месяцы полковые отцы подчинялись местным отцам церкви в тех епархиях, где находились полковые стоянки.

В юридическом плане положение поменялось только с воцарением Павла I. А вот в профессиональном и материальном деле улучшилось при Екатерине Великой. При ней началось строительство полковых храмов гвардейских полков в Петербурге — у гвардейских батюшек появились приходы. А для того, чтобы приходы не пустовали, когда полки на походе, государыня разрешила военным священнослужителям совершать требы для штатских.

Её сын Павел Петрович создал должность «обер-священник армии и флота». Наконец вся административная и судебная власть над военным клиром оказалась в одних руках. Причём в руках человека, наделённого особыми полномочиями. Обер-священник имел право прямого доклада императору без санкции Святейшего синода.

Впрочем, самостоятельность продолжалась недолго. Александр Павлович в 1801 году подчинил армейских и флотских священников Синоду, компенсировав потерю назначением регулярного жалования и пенсии для выслуживших

ИСТОРИЯ

двадцать лет. Николай Павлович, любивший, как известно, ясность и порядок, в 1829 году определился со служебной иерархией военных священнослужителей. Полкового батюшку в чинах официально приравнивали к армейскому капитану, в должности — к командиру роты. Ну, и жалованье с квартирными и столовыми положили соответствующее. На закате царствования Николай I поднял статус обер-священников, коих к тому времени стало трое (помимо «обера» по армии и флоту появились «обер» по Главному штабу, гвардии и Гренадерскому корпусу и «обер» по Особому Кавказскому корпусу), до архиерейского. Да ещё с правом вести самостоятельную кадровую политику. Это было тем более важно, так как военно-духовное хозяйство разрасталось. Всё большее количество частей — не только столичных, но и провинциальных — отстраивало собственные полковые храмы в местах постоянной дислокации. Да и сама армия росла. На январь 1853 года её численный состав: 950 тысяч в регулярных войсках и 250 тысяч — в иррегулярных (по большей части — казаки). Требовался квалифицированный клир. Посему на службу стали принимать только лиц с академическим образованием или окончивших семинарию с отличием.

К этому времени сформировалась и Табель о рангах. Согласно Высочайшему положению от

1887 года чин главного священника гвардии, гренадер, армии и флота (позже — протопресвитер) соответствовал чину генерал-лейтенанта; настоятеля воинского собора или старшего священника корпуса — полковника; старшего священника дивизии — подполковника; полкового священника — капитана; диакона — поручика; псаломщика — подпрапорщика. В отношении денежного довольствия батюшкам начислялось ровно столько, сколько и офицерам. Протопресвитеру — 1356 рублей в год, полковому священнику — 366, псаломщику — 240. Это — чистое жалованье, без надбавок в виде квартирных и столовых денег. Кроме того, жалованье увеличивалось на четверть после десяти лет службы и вдвое — после двадцати. Военному духовенству также полагалась и пенсия. Небольшая, но гарантированная. В случае гибели батюшки в военное время пенсию выплачивали семье. Подчеркну, основную массу издержек по содержанию военного клира несли на себе военное министерство и адмиралтейство.

От рассвета до заката

Пока мы всё больше о правах и ранжирах. А чем, собственно, занимались батюшки в полках? Какие такие особенные послушания несли они в отличие от обычных приходских священников?

Обязанностей хватало. Помимо общецерковных практик — службы, исповедь, причастие, соборование, отпевание, венчание, крещение, освящение мест и т.д. — военным священнослужителям должно было заниматься воспитанием солдат в самом прикладном смысле. Вели уроки Закона Божьего и разъяснительные беседы, учили грамоте и читали вслух. А также окормляли больных в лазаретах и отставников в богадельнях, в обязательном порядке посещали офицерские собрания и знаковые полковые мероприятия, готовили новобранцев к присяге и курировали полковой церковный хор. Наконец, отвечали за благоустройство и порядок на воинских кладбищах.

А теперь давайте представим, что такое среднестатистический полк Русской императорской армии. До милютинской реформы 60–70-х годов XIX века, когда служили рекруты, а не призывники, такого понятия, как кадрированная часть, не было. Сколько положено по штату — столько и было в строю. Это означает, что под рукой у полкового батюшки находилось примерно 4 тысячи человек. Это в пехоте. В кавалерии полегче — в среднем тысяча душ. Во флоте — совсем хорошо: экипаж, скажем, броненосца «Ретвизан» в 1904 году составлял «всего» 750 человек... И это не околоточный приход, когда паства приходит произвольно, а у

батюшки всегда есть возможность скрыться за царскими воротами и дать себе несколько минут отдыха. В частях потребность в священнике увеличивалась многократно.

После реформы трудиться полковым батюшкам меньше не пришлось. В пехотном полку мирного времени служило не менее 2 тысяч солдат и офицеров.

В конце XIX — начале XX века появились сложности иного порядка. Пусть на уставном уровне офицерам и солдатам запрещалось заниматься политикой, интересоваться общественными проблемами, на практике оные требования соблюсти было невозможно. Это солдат Александровской эпохи волей-неволей отстранялся от мирской суеты и 25 лет пребывал в капсуле полковой жизни. При Николае II служба продолжалась три-четыре года в зависимости от рода войск, во флоте — пять лет. Большинство новобранцев по-прежнему прибывало из патриархальной сельской Руси, где церковная составляющая играла заметную роль в жизни. Но рос контингент тех, кого призывали из студенчества, рабочего и мещанского сословий крупных городов, где уже бродил хмель левых идей и новых толкований сущего. В дурманящее пошло он превратился позже, в 1917-м. Но ещё в 1908-м один из полковых священников писал в журнале «Офицерская жизнь» о том, что команда идти в церковь выполня-

лась некоторыми солдатами, мягко говоря, без энтузиазма. Знаменитый постулат Суворова «Молись Богу — от Него победа!» разделяли уже не все офицеры. Разумеется, такие настроения усложняли работу священников, что стало особенно очевидно в том самом 1917-м. Правда, надо заметить, что после Февральской революции и вплоть до Октябрьского переворота от рук солдат погиб только один военный священнослужитель. С офицерами, особенно во флоте, церемонились меньше.

О доблести, о подвигах, о славе

Были, естественно, батюшки, которые по собственной инициативе осваивали солдатскую премудрость и старались поддерживать соответствующую физическую форму. Были и такие, кто боевые навыки обрёл в прежней, мирской жизни. Как, например, отец Серафим (Чичагов), имевший несколько орденов за Русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Или иеросхимонах Антоний (в миру — Александр Булатович), служивший до пострига в лейб-гвардии Гусарском полку и получивший орден Святого Владимира за бои в Китае во время Боксёрского восстания в 1900-м. Но в массе своей военное духовенство от воинского искусства было далеко. Тем не менее это не мешало священникам исполнять долг на

поле брани под огнём противника. Тому свидетельством — множество боевых наград, к которым военные батюшки были представлены начиная с Отечественной войны 1812 года.

Впрочем, первый описанный подвиг датируется двумя десятками лет ранее. При штурме Измаила в 1790 году батальон Полоцкого мушкетерского полка лишился командира, солдаты растерялись, атака стала захлёбываться. Тогда впереди колонны появился полковой священник отец Трофим (Куцинский) с крестом в руке. «Вот ваш командир!» — крикнул батюшка, показывая на крест. Пехотинцы рванули за ним. Отец Трофим был ранен в ногу, получил две контузии, но на следующий день после взятия крепости служил молебен в полку в честь разгрома турок. По представлению Суворова князь Потемкин обратился к императрице с просьбой наградить священника. Появилась уникальная награда: наперсный крест на георгиевской ленте, украшенный бриллиантами.

1812 год принёс первые награждения полковых священников орденом Святого Георгия. Первым эту сугубо боевую награду получил отец Василий Васильковский, служивший в 19-м егерском полку. В начале войны в продолжавшемся целый день бою под Витебском иерей получил ранение в ногу, но передовые позиции полка так и не

оставил, продолжая причащать умирающих и подбадривать сражающихся. Только после сильной контузии в грудь батюшка смирился с отправкой в резервы. Оказалось, пуля угодила в самую середину наперсного креста. Едва оправившись от контузии, отец Василий вернулся в полк. Уже в битве за Малоярославец он был ранен ещё раз, в голову, когда вёл передовые роты егерей на французов. А вот священник 6-го егерского полка Иванов в том же бою погиб в атаке. На его теле насчитали 19 штыковых ран. Но награда, как говорится, героя не нашла. В Российской империи в тот период посмертные награждения не существовали. Василий Васильковский же в составе Русской армии участвовал в Заграничном походе 1813 года, но раны дали о себе знать, и он скончался в ноябре во Франции.

В Бородинском сражении отличился протоиерей Московского гренадерского полка Мирон Орлеанский. На Бородинском поле много монументов, но только на одном выбито имя полкового священника — на памятной колонне 2-й гренадерской дивизии. Это имя отца Мирона.

Всего в войне 1812 года приняло участие около 250 церковнослужителей. 15 из них погибли или умерли от ран.

От момента учреждения ордена Святого Георгия до Первой миро-

вой войны этой награды удостоились пять священников. Отец Иов (Каминский) Тобольского пехотного полка за переправу через Дунай в начале Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Протоиерей Могилевского пехотного полка отец Иоанн (Пятибоков) за штурм турецких батарей во время Венгерской кампании 1849 года. Иеромонах Иоанникий (Савинов) за оборону Севастополя в Восточную войну. Священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка отец Стефан (Щербаковский) за бой под Тюренченом в 1904 году, в котором батюшка, заменив собой всех убитых офицеров, вывел остатки рот из окружения. Правда, сам, будучи тяжело раненным, попал в плен к японцам. Те, узнав о подвиге отца Стефана, отправили его в Россию. О Стефане Щербаковском стоит сказать ещё кое-что. Вероятно, это самый орденосный батюшка Русской армии за всю её историю. В ходе русско-японской войны священника наградили орденами Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени с мечами, Святой Анны 2-й степени с мечами и наперсным крестом на георгиевской ленте. А в Первую мировую войну — орденом Святого Владимира 3-й степени и Святой Анны 1-й степени. Вот такой, как говорят в армейских курилках, иконостас. Отец Стефан уцелел в окопах Мировой, чтобы сгинуть в ЧК в 1918-м.

ИСТОРИЯ

Немного уступил Щербаковскому по части наград последний протопресвитер военного и морского духовенства Русской армии, Георгий Шавельский. На его счету 3-я и 2-я Анна, 2-й Владимир с мечами, орден Александра Невского и наперсный крест на георгиевской ленте. Такой крест приравнивался к ордену Святого Георгия. Протопресвитерами назывались руководители военного и морского духовенства начиная с 1890 года.

Уже после Первой мировой протопресвитер написал мемуары. В них, в частности, есть строки о том, как высоко оценивали подвиги и служение полковых священников многие офицеры и генералы Русской армии. Так же лестно отзывались о военном духовенстве первый главком, великий князь Николай Николаевич-младший, и второй главком, император Николай Александрович. «Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу», — говорил первый. «От всех приезжающих ко мне с фронта я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников», — говорил второй...

За годы Первой мировой войны участие в ней приняло, только по официальной статистике, свыше 5 тысяч военных священнослужителей. А ведь к ним можно присоединить и тех приходских батюшек, что оказались во фронтовой поло-

се и поменяли гражданскую паству на военную. Половина из этих 5 тысяч получили государственные награды. 13 человек стали георгиевскими кавалерами. Причём один батюшка — священник 245-го Бердянского пехотного полка отец Василий (Островидов) — получил в 1917 году солдатский Георгиевский крест с лавровой ветвью. То есть тогда, когда в армии уже начались гонения на офицеров и священнослужителей. Более 200 пастырей было награждено наперсным крестом на георгиевской ленте.

Около 40 военно-духовных лиц погибло и пропало без вести. Более сотни попало в плен.

В подавляющем большинстве случаев в представлениях на награду описывалось следующее: в критический момент боя священник имярек встал перед ротами, поднял крест и повёл солдат в атаку. С вариациями, конечно, но в целом примерно так. И почти всякий раз — ранен, ранен, ранен...

Но были подвиги уникальные. В 1916 году священник 318-го Чёрноярского пехотного полка отец Александр (Тарноуцкий) служил литургию в храме неподалёку от передовой. Австрийцы вели сильный артиллерийский обстрел. Один из снарядов пробил крышу и упал рядом с алтарем, окружённым десятками солдат. Батюшка остановил молитву и бросил в сторону снаряда: «Будь ты проклята, окаян-

ная!» Потом перекрестил снаряд и продолжил литургию. Снаряд так и не разорвался.

28 октября 1914-го минный заградитель Черноморского флота «Прут» неподалёку от крымского мыса Фиолент напоролся на немецкий крейсер «Гебен», один из лучших кораблей Первой мировой войны, да ещё в сопровождении миноносцев. Силы были настолько не равны, что каждому на «Пруте» стало ясно — их корабль обречён. На «Гебене» подняли сигнальные флаги с предложением сдаться. Командир минзага капитан 2-го ранга Георгий Быков отказался спустить Андреевский флаг, отдал приказ открыть кингстоны и покинуть «Прут». «Гебен» ударил из главного калибра. После первых же попаданий на минзаге начались пожары. Экипаж погрузился в шлюпки. Те, кому не досталось места, бросились в воду и спасались, уцепившись за брошенные за борт подручные средства. В эту минуту у трапа «Прута» появилась фигура корабельного священника иеромонаха Антония (Смирнова). Во время эвакуации и обстрела 70-летний батюшка находился на палубе, благословляя матросов на спасение. Оставшись на борту последним, он несколько секунд смотрел на шлюпки, а затем удалился внутрь корабля. Так вместе с кораблем и ушёл на дно Чёрного моря.

Вера разная, страна одна

Наряду с православными в Русской императорской армии служили мусульмане, лютеране, католики, иудеи. На протяжении двухсот с лишним лет существования регулярных вооружённых сил Российской империи правила этой службы и её условия неоднократно менялись. Причём применительно к каждой конкретной конфессии. Скажем, до 1827 года в рекруты не брили евреев иудейского исповедания. Вместо этого взимался налог в 500 рублей с головы, так же как с представителей купеческого сословия из православных. До 1893 года налогом заменялся живой призыв мусульман Закавказья территорий Кубанского и Терского казачьих войск, кроме мусульман-осетин. Но и после введения обязательной воинской повинности для мусульман Кавказа срочную они служили только в родных местах. Вплоть до 1917 года обязательный призыв не распространялся на мусульман Туркестанского края, инородцев Закаспийской, Семиреченской, Уральской, Семипалатинской, Акмолинской, Сахалинской, Тургайской, Камчатской областей и Астраханской губернии, отдалённых местностей Сибири. Финны традиционно служили в частях Финляндского корпуса.

Как бы то ни было, но к началу XX века свыше 75 процентов военнослужащих относились к право-

ИСТОРИЯ

славия, католиков имелось 9 процентов, мусульман — 2 процента, лютеран — 1,5 процента. Статистика по солдатам из-за «черты оседлости» хромает, так как процесс перехода призывников-евреев из иудейской веры в выкресты носил весьма живой характер. Но по разрозненным данным некоторые выводы о числе евреев в Русской армии сделать можно. В 1906 году весьма консервативная в этом вопросе газета «Новое время» сообщила, что в войсках на дальневосточном театре военных действий находилось не менее 20 тысяч евреев. А это уже 2 процента от численности вооружённых сил империи начала прошлого века.

Судя по множеству нормативных актов, проблему иноверцев в армии власть пыталась решать неоднократно. И не всегда, надо признать, успешно. Это касается и вопроса отправления культа. Яркой иллюстрацией служит история с появлением-исчезновением мулл. В отсутствие, скажем так, профессиональных священников-мусульман уже в середине XIX века возник институт мулл общественных. Проще говоря, из своей солдатской среды мусульмане выбирали наиболее подготовленного для исполнения обрядов человека. Только в 1877 году этот статус получил государственное признание. Александр II подписал соответствующий указ.

Наряду с муллами общественными с солдатами работали и муллы гражданские, ежели таковые находились в местах дислокаций полков. В 1856 году в сметы военных округов заложили специальные суммы на выплаты прогонных и суточных. Стали платить и за отдельные требования. Как следует из документов того периода, размер выплат для мулл приравнивали к суммам, получаемым лютеранскими пасторами и католическими капелланами. А это значит, что пасторы и капелланы уже имелись. Это же правило распространили и на раввинов, командированных для осуществления треб в воинские части. Но окончательно отношения воинских начальников с гражданскими священниками-иноверцами были регламентированы только в 1908 году.

В 1833 году был издан указ о введении должности полкового муллы в башкирских конных полках. Содержались эти муллы за счёт казны. Первые военные муллы в штате обычных полков появились в 1838 году — в Казани и Симбирске. Казалось бы, процесс пошёл. И он действительно шёл, почти шестьдесят лет. Но в 1896 году специальным приказом военное ведомство отменило в войсках все штатные должности мусульманских военных духовных лиц. Во время русско-японской войны спохватились и восстановили ставки в Маньчжурской армии.

Михаил Быков **На молитву, шапки долой!**

В 1908-м ввели штатные должности военных мулл в пяти главных военных округах. Всего — 9 единиц. Платило им государство скромно, но компенсировало затраты на разъезды по территории округа.

Когда солдаты-мусульмане поняли, что военный мулла — это навсегда, разговоры о конфессиональном неравенстве в армии с их стороны прекратились.

По поводу солдат-иудеев власти сильно не переживали. В постановлении о военной службе евреев от 1827 года значилось: ходить в синагоги разрешается, в случае отсутствия таковой поблизости дозволялось собираться в «кучки». Если же евреев в гарнизоне оказывалось более 300 человек, то по представлению военного начальства им определялся раввин с оплатой из казны. После Февральской революции 1917 года в России появилась экзотическая государственная должность: главный военный раввин. Им стал раввин Бердичева Яков Берман. Да, и такое бывало.

Однако вскоре всё совершенно переменилось. В 1918-м советская власть упразднила институт военных священников независимо от конфессиональной принадлежности. Из армии уволили более 3 тысяч священнослужителей. Пришло время комиссаров.

Куркинскую в/ч уже давно передислоцировали. А может, и расформировали. В нашей армии за последнее десятилетие много чудес случилось. Здание казармы переоборудовали под районную поликлинику. Но кирпичная, крашенная красной краской церковка под двумя крестами сохранилась.

В 2011 году в Российской армии появились новые штатные единицы: к службе приступили шесть православных священников и мулла. Также была введена должность главного военного раввина.

Когда-то в полках звучала команда: «На молитву, шапки долой!» А как-то оно теперь будет?